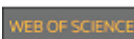

Михеева С. Л. Субстантивированные прилагательные в русских пословицах / С. Л. Михеева // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 59—69. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-59-69.

Mikheeva, S. L. (2019). Substantive Adjectives in Russian Proverbs. *Nauchnyi dialog*, 12: 59-69. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-59-69. (In Russ.).

УДК 811.161.1'367.622+811.161.1'42:82-84+81'373.611

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-59-69

СУБСТАНТИВИРОВАННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

© **Михеева Светлана Львовна (2019)**, orcid.org/0000-0001-6895-4722, SPIN 7572-3620, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева» (Чебоксары, Россия), mikshveta@rambler.ru.

Рассматривается процесс субстантивации прилагательных в русском языке. Актуальность темы обусловлена предметом исследования: переходные процессы в области частей речи отражают и фиксируют на уровне лексико-грамматической семантики процессы переосмысления и переформатирования знаний человека о мире. Целью настоящего исследования является установление условий субстантивации прилагательных. Материалом послужили пословичные выражения из сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа», в состав которых входят субстантивированные прилагательные. На основе контекстуального анализа употребления данных слов определены следующие условия субстантивации прилагательных: качественно-оценочное значение исходного прилагательного; однозначность референции между признаком и его носителем, устанавливаемая на основе каузального компонента в семантике прилагательного как значимой составляющей фоновых знаний. Установлено, что подавляющее большинство субстантивированных прилагательных, представленных в пословицах, являются названиями человека или абстрактного понятия. В результате исследования определены семантические группы встречающихся в пословицах субстантивированных прилагательных. Субстантивация является средством закрепления стереотипных представлений о человеке и его качествах. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о каузативном потенциале прилагательного, проявляющемся в процессе субстантивации, что может стать основанием для переосмысления функционально-семантического статуса имени прилагательного в системе частей речи.

Ключевые слова: существительное; субстантивация; субстантивированное прилагательное; адекватив; пословица; каузальные смысловые отношения.

1. Вводные замечания

В разряде существительных русского языка значимой по своему количественному составу и представленности является группа предметных имен так называемого адеквативного склонения: *леший, водяной, домовый, мастеровой, столовая, го-стиная, легкие, перекладные* и т. п. [Русская грамматика, § 1174; 1216]. Вошедшие в состав существительных и закрепившие в своей семантике предметное значение, эти слова сохраняют «генетическую» морфологию — родо-числовые окончания полных форм имен прилагательных, систему падежного склонения адеквативного типа, представляя собой гибридные образования. Семантический их состав представлен различными тематическими группами, как появившимися в языке в доста-

точно давний период, так и относительно недавними. Не ставя задачу проследить хронологию и историю появления субстантивированных прилагательных, назовем некоторые из этих групп: а) названия сверхъестественных существ, обитающих в каком-либо месте, так называемые «духи локусов» (И. В. Кузнецова): *домовой, леший, водяной, лукавый, нечистый*; б) названия лица по роду деятельности: *военный, мастеровой, рабочий, портной, вожатый, вестовой, постовой, подъязычный, стряпчий, дневальный* и т. п.; в) названия помещения по характерному признаку — предназначению, материалу, цвету и т. д.: *столовая, гостиная, детская, прихожая, мастерская, мостовая, прачечная, кольцевая* и т. п.; г) названия документов: *накладная, подорожная, объяснительная, челобитная* и т. п.; д) названия-топонимы: *Чусовая (река), Порецкое (село), Тихая, Тенистая (улица), Мирный, Грозный (город)* и т. п.; е) названия групп, совокупностей людей по характерному признаку — родству, месту проживания, возрасту и т. д.: *родные, близкие, домашние, посадские, молодые* и т. п. (подробное описание см. в [Русская грамматика, § 544—548]).

2. Условия субстантивации прилагательных (художественный текст)

Субстантивация как один из способов пополнения разряда существительных является продуктивным и актуальным направлением неморфологического словообразования. Под термином *субстантивация* традиционно в морфологии понимается переход слов различной морфологической природы в разряд существительных. Наиболее многочисленными среди полученных таким образом субстантивов являются исходные прилагательные и причастия [Лопатин, 1967; Мукашева, 2016; Милютина, 2017]. Вместе с тем субстантивация должна рассматриваться как процесс, который позволяет наблюдать условия перехода слов в состав предметных имен и происходящие с ними трансформации, в результате которых изменяется морфологическая природа исходного адъектива. К числу важных условий относится, на наш взгляд, значение исходного прилагательного: слово называет такой признак-свойство человека или неодушевленного предмета, отвлеченного явления, который может быть абсолютизирован и переосмыслен как некая самостоятельная сущность в отрыве от своего носителя [Пешковский, 2001, с. 142]. В силу этого название предмета приобретает определенное значение и становится способным замещать в особых контекстуальных условиях собственно название носителя признака. Показательны в этом отношении примеры, где субстантивация, если можно так представить, происходит на глазах наблюдателя — читателя или слушателя: <...> и через минуту за освободившимся столом уже сидел сильно подгулявший чиновник с белесыми, почти прозрачными (должно быть, от пьянства) глазами. К гуляке подпорхнула сдобная шатенка, обхватила за плечо и картинно закинула ногу на ногу <...> Студент замолчал, повесив голову. Потом, встряхнувшись, налил бокал до краев и залпом выпил. За соседним столиком залиvisto расхохоталась девица в красных чулках — белоглазый что-то нашептывал ей на ухо (Б. Акунин. Азальца); И тут знойный воздух сгустился перед ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида. На маленькой головке жокейский картузик, клетчатый кургузый воздушный же пиджачок... <...>

Тут ужас до того овладел Берлиозом, что он закрыл глаза. А когда он их открыл, увидел, что все кончилось, марево растворилось, клетчатый исчез, а заодно и тупая игла выскочила из сердца (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); — *Какая голова? — спросила Маргарита неожиданного соседа. Сосед этот оказался маленького роста, пламенно-рыжий, с клыком, в крахмальном белье, в полосатом добротном костюме, в лакированных туфлях и с котелком на голове. <...> — Да, извольте ли видеть, — объяснил рыжий, — сегодня утром в грибоедовском зале голову у покойника стащили из гроба* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В текстовом пространстве субстантивация предстает именно как процесс, и процесс наблюдаемый, разворачивающийся буквально на глазах наблюдателя — читателя по мере развертывания текстовой информации (см. в частности [Дегтярева, 2018]). В представленных фрагментах это хорошо прослеживается, алгоритм субстантивации в принципе во всех трех случаях один и тот же. Первый шаг — описание внешности персонажа, начиная от телесных, физических характеристик (рост, цвет глаз и волос, особенности рук, ног, в целом телосложения и т. п.) до деталей одежды (форма одежды, расцветка тканей, обувь, головной убор, аксессуары и т. п.). В этом перечне обязательно упомянут какой-либо признак, который впоследствии в тексте не просто становится определением того или иного героя, а полностью замещает его наименование и на протяжении некоторого текстового фрагмента выполняет именно эту функцию. Следующий шаг в процессе субстантивации, таким образом, заключается в том, что на основе установленной однозначной референции между признаком и его носителем становится возможным употребление имени признака вместо имени предмета — со всеми вытекающими последствиями: изменением синтаксического статуса, преобразованием морфологических признаков. В частности, в трех приведенных фрагментах *белоглазый*, *клетчатый*, *рыжий* в автономном по отношению к опорному существительному употреблении становятся подлежащими и организуют тематическую группу высказывания; значение мужского рода семантизируется: все три слова обозначают лиц мужского пола, то есть приобретают дополнительный семантический признак существительного — одушевленность.

Таким образом, следующим важным условием субстантивации, как уже упоминалось, является однозначность референции между признаком и его носителем. В художественном тексте эта референция, связь оговаривается автором намеренно и целенаправленно, дабы у читателя сложился ориентир в мире персонажей и событий. По этой причине в тексте та или иная деталь может повторяться, на ней специально акцентируется внимание. Обращаясь вновь к процитированным иллюстрациям, отметим, что *белоглазый* убийца Ахимас на протяжении нескольких романов о сыщике ЭрASTE Фандорине является противником главного героя; *клетчатый костюм* постоянно упоминается в каждом эпизоде с участием Коровьева-Фагота в «Мастере и Маргарите», как и *рыжие волосы* Азазелло. Подобных примеров можно привести немало. В этих случаях субстантивация выполняет функцию синонимического средства внутри определенного, единственного в своем роде, уникального художественного контекста: в мире «Мастера

и Маргариты» нет других *клетчатых*, кроме Коровьева-Фагота, и других *рыжих* мужчин, кроме Аззелло.

Таким образом, названные условия — значение исходного прилагательного и однозначность референции между признаком и его носителем — делают возможным переход слова адъективного типа в разряд существительных. В развернутом виде этот процесс возможно наблюдать в художественном тексте. В пословичных же выражениях мы имеем дело с уже зафиксированными субстантивированными прилагательными. И здесь возникает вопрос о том, как соотносятся представления о признаке и его носителе. Как определяется, что в выражениях *Пеший конному не товарищ*, *Пьяному море по колено*, *Холостого сватом не посылают* речь идет о человеке — пешем, конном, пьяном, холостом и т. д.? Что позволяет в выражениях *Худое — охапками*, *хорошее цепотью*, *Сладкого не досыта*, *милого не доверху* «узнать» в субстантивированном прилагательном неодушевленное абстрактное существительное среднего рода?

3. Когнитивные основания субстантивации прилагательных

Релевантной для целей настоящего исследования представляется выборка паремий с субстантивированными прилагательными из сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» [Даль, 1957]. Изданный в 1862 году, этот труд не теряет своей значимости и востребован в современной лингвистической практике в силу своей уникальности, количественных и качественных характеристик (охват материала, его систематизация), энциклопедичности с точки зрения представленных в сборнике тематических групп. Все это делает названное издание неисчерпаемым источником материала для самых разноплановых исследований. Обращение к пословице в данном случае обусловлено ее формульностью: в ней закрепляются семантические связи и стереотипы, что напрямую связано с ее грамматической структурой — синтаксическими конструкциями типового характера и морфологией слов-конструктов. Именно формульный характер пословицы позволяет выявить те или иные закономерности и тенденции, подтверждение которым можно в последующем обнаружить в широкой речевой практике. Пословица строится по определенной синтаксической модели, каждая конкретная реализация которой ведет к выражению типизированного смысла. В частности, если обратиться к тем паремиологическим выражениям, в состав которых входят субстантивированные прилагательные, это позволяет выявить закономерности процесса субстантивации — как и почему он происходит.

В качестве исходной может послужить посылка о когнитивных основаниях перехода адъективных слов в состав существительных [Михеева, 2019а]. «Наивная грамматика» носителей языка опирается на два собственно лингвистических основания: 1) какое-либо существо, человек, неодушевленный предмет отличается от других аналогичных в классе себе подобных каким-либо характерным признаком-свойством; этот признак, с одной стороны, индивидуализирует предмет, делает его уникальным, с другой, обобщает и типизирует, объединяя этот предмет с другими, обладающими подобным свойством, признаком, характерной чертой — эти функции

несет на себе имя прилагательное; 2) для именованя обладающих одним общим свойством предметов используется имя этого свойства вне формальной зависимости с именем предмета — в силу закона экономии языковых средств, во избежание избыточного и навязчивого повторения одного и того же слова. Субстантивация и другие переходные зоны между частями речи представляют собой, таким образом, «вторичную категоризацию», суть которой заключается в уточнении, переосмыслении и закреплении измененных лексико-семантических и лексико-грамматических свойств языковых единиц как результата когнитивных процессов (о «вторичной категоризации» подробнее см. [Болдырев, 2016]; также [Кустова, 2015]).

Субстантивация как итог, как результат смысловых и грамматических преобразований, через которые проходит слово, кроме всего прочего, становится средством или способом утверждения стереотипа — особенно в случаях перехода лексем с качественно-оценочной семантикой: *смелый, добрый, пьяный, сытый, голодный, бедный, богатый* и т. п. Здесь мы подходим к глубинным семантическим основаниям субстантивации: стереотипизация и, соответственно, семантизация стереотипа напрямую связана с причинно-следственными отношениями, имплицитно подразумеваемыми в семантической структуре субстантива адъективного происхождения [Михеева, 2019б]. *Смелый города берет* — потому что общим свойством *смелых людей* являются такие, которые обуславливают их поведение — позволяют совершать такие поступки, на которые *не-смелый* не способен: преодолевают свои страхи, преодолевают препятствия, в неразрешимых, на первый взгляд, ситуациях находят решения. Причинно-следственные отношения в свою очередь представляют собой, с одной стороны, базовую часть представлений человека о мире и его устройстве и, с другой стороны, являются значимой составляющей частью так называемых фоновых знаний. Каузальные отношения между, как минимум, двумя явлениями устанавливаются человеком на основе наблюдений и фиксации предсказуемости и ожидаемости какого-либо события как закономерного продолжения или развития уже сложившегося предыдущего положения дел. Наивное механическое причинно-следственное сцепление: 'Когда / Если на человека попадает много воды, одежда становится мокрой. Поэтому попадание на него воды после этого не делает его положение хуже — все равно он уже мокрый, и переживать об этом уже нет смысла' — поэтому *Мокрый дождя не боится*; 'Когда / Если человек огорчен по какой-либо причине, ему не до веселья, то есть у него нет охоты до песен, плясок или любого подобного времяпровождения' — поэтому *Горький (огорченный) песен не поет*; 'Есть такие люди, у которых все хорошо в жизни, им сопутствует во всем удача, они во всех делах успешны — это счастливые люди' — поэтому *Счастливому и промеж пальцев / в зубах вязнет, Счастливый что калач в меду, Счастливому не что дается: живет да греется, Счастливому по грибы ходит, Невзначай к обеду приходит счастливый*.

Фоновые знания обеспечивают понимание, осмысление значения субстантивированного прилагательного как названия либо человека, либо абстрактного понятия, либо живого существа: *Серого помянули, а серый здесь; Вали на серого — серый все свезет* — в русской языковой картине мира *серый* — это одно

из наименований волка, восходящее к мифопоэтическим фольклорным канонам, наряду с такими же парами *косой — заяц, сохатый — лось, косолапый — медведь, рыжая — лиса*. Субстантивация оказывается и результатом эллипсиса словосочетания, когда предметное имя опускается в силу, как уже было отмечено, своей избыточности. В случае с названиями животных адъективный субстантив — это тоже средство образной — метонимической по своему характеру — номинации.

В тексте пословицы присутствуют опорные слова-подсказки, намеки, направляющие фокус осмысления паремиологического выражения в целом и отдельных лексем, в частности.

Называющие человека субстантивированные прилагательные употребляются в контекстах, где есть упоминание о специфических человеческих занятиях или какой-либо человеческой сфере деятельности, человеческом поведении. Грамматически это передается глагольными формами, выражающими активные действия субъекта, его отношение к кому-чему-либо (*Дурной хулит нехорошего; Немой караул закричал, безногий на пожар побежал; Глупый умного, пьяный трезвого не любят; Больному и киселя в рот не вотрешь*); предикатами различной морфологической природы с оценочно-квалитативным значением (*Добро ждать сытому царева обеда, а праведному смертного часа; Пеший конному не товарищ; Здоровому врач не надобен; После брани много храбрых; Нет греха бодливому сломать рога*); формой дательного падежа самого субстантива в значении адресата в синтаксических конструкциях различного вида (*Шелудивому и почесуха кстати; Большому большая дорога; Солощавому оскомина, бодливому комолина; Ленивому всегда праздник*); формой винительного падежа, где окончание одушевленного существительного собственно является отсылкой к человеку (*Последнего и собаки рвут; Нужного бог прощает; Сытого не кормят; За голодного бог заплатит; Сонливого не будишься, а ленивого не дошлешься*).

4. Семантические группы субстантивированных прилагательных в русских пословицах

В составе паремиологических выражений сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» среди обозначений человека частотными являются субстантивированные прилагательные следующих групп: а) род деятельности (*портной, фабричный, мастеровой, подьячий, стряпчий, приказный, служивый*); б) человек по его нравственным, морально-этическим качествам (*святой, праведный, честный, хороший, правый, добрый, прямой, злой, грешный, незаконный, дурной, нехороший, спесивый, стыдливый, неправый, лстивый, лживый, худой (нехороший), лихой, немилостивый*); в) человек по его физическим особенностям (*живой, мертвый, слепой, кривой, хромой, кривоногий, горбатый, криворотый, безногий, долгоносый, безъязыкий, косолапый, плешивый, лысый, рыжий, зрячий, глухой, черный, безрукий, здоровый, больной*); г) человек по социальному статусу (*нищий, убогий, бедный, богатый, сирый, вдовый, старый, молодой, старший, малый, сытый, голодный, нагой, голый, холостой, женатый*); д) человек по внутренним свойствам, характерному поведенческому качеству (*ленивый, тороватый, запасливый, умный, глупый, бодрый, бой-*

кий, смиренный, тихий, скупой, сердитый, бешеный, упрямый, резвый, удалой, смелый, трусливый, стыдливый, дурной, шальной, ретивый, горячий, сонливый, бодливый); е) человек по его эмоциональному состоянию (*счастливый, несчастный, горький*); ж) человек, определяемый по отношению к другому предмету (*конный, бесконный, пеший*); з) человек, определяемый по результату действия (*лежащий, отсталый, живучий, пьяный, трезвый, нужный, бывалый, виноватый, мокрый*); и) человек, определяемый по отношению к количественному признаку (*первый, последний, лишний*); к) человек по степени близости (*родной, чужой, милый*).

Обобщить этот перечень можно указанием на то, что практически все эти слова употреблены в пословицах в форме мужского рода, следовательно, они обозначают лицо мужского пола или человека вообще. Форма женского рода встречается в тех случаях, когда речь идет о ситуации сватовства / женитьбы или о характеристиках женщины как супруги: *Хороших не дают, а плохую взять не хочется; На молодой жениться — с молодцами не водиться; Богатую взять — станет попрекать; Хорошую взять — много люди будут знать; Умную взять — не даст слова сказать; На хорошую глядеть хорошо, а с умною жить хорошо*. Форма, таким образом, оказывается маркирована и грамматически, и семантически — это слова, обозначающие лицо женского пола (подробнее о «кодировании гендерной информации» субстантивированными прилагательными в составе пословиц см. [Мудрая, 2017]). Формы множественного числа определяют совокупность людей, объединенных по названному признаку: *родные, близкие, старые, малые, молодые, старшие, лишние, последние, чужие, нищие, святые, добрые, злые, грешные, худые, немилостивые*. Особо отметим именованья одушевленных ипостасей нечеловеческого происхождения: *вышний, всевышний, лукавый, домовый, курносая* — олицетворяют неподвластные человеку силы, с которыми необходимо считаться.

Основную массу неодушевленных субстантивов адъективного происхождения составляют названия абстрактных, обобщающих понятий типа *доброе, хорошее — злое, худое*. Грамматическое средство выражения предметного значения — форма среднего рода: *Бог за худое плательщик; Много нового, да мало хорошего; Вор божится — недоброе затеает; За свое постою, а чужого не возьму; Поганое к чистому не пристанет; Заведомое не спрашивают*. «Средний род выступает как форма обезличенной предметности. <...> Своеобразная безличность, отвлеченная или фиктивная предметность формы среднего рода проявляется прежде всего в том, что другие части речи, употребленные в значении имени существительного, относятся к классу слов среднего рода. <...> Форма среднего рода имени прилагательного, употребленная в значении существительного, приобретает широкое обобщенно-абстрактное значение» [Виноградов, 2001, с. 78].

Опредмечиваются названия таких признаков и свойств, которые могут быть осмыслены как некая существующая самостоятельно субстанция — абсолютизированный признак, представленный в отрыве от какого-то конкретного носителя. Существительное, помимо абстрактного, приобретает и собирающее значение, которое служит целям типизации. *Тесное разносится, широкое ссыдется: тесное, широкое* — это любой предмет одежды (в прямом значении), который может

быть мал или велик, то есть не по размеру человеку — и в том, и в другом случае со временем все станет впору; *Лихое* долго помнится, а *хорошее* скоро забудется: *лихое*, *хорошее* — под эти наименования подводятся конкретные поступки, события, оцениваемые соответственно социумом, где установлены негласные критерии определения *лихого* и *хорошего*. Тот или иной аспект значения — абстрактный или собирательный — может превалировать в зависимости от общей семантики самого существительного и общего смысла выражения.

Формами среднего рода представлены такие группы неодушевленных субстантивированных прилагательных: а) названия абстрактных понятий этического характера: *Божеское*, *божье*, *богово*, *хорошее*, *лучшее*, *худое*, *доброе*, *лихое*, *праведное*, *неправедное*, *поганое*, *чистое*, *недоброе*, *противное*, *милое*; б) названия временных периодов и промежутков: *былое*, *грядущее*, *вечороннее*, *заутреннее*, *ушлое*; в) названия с собирательным значением пищевых продуктов: *мясное*, *постное*, *хмельное*, *сырое*, *жареное*, *вареное*; г) названия абстрактных понятий, характеризующих с точки зрения физических параметров (вкус, размер, цвет, положение в пространстве и т. п.) и имеющих метафорическое значение: *малое*, *большое*, *великое*, *кривое*, *тесное*, *широкое*, *горькое*, *сладкое*, *порожнее*, *пустое*, *черное*, *белое*, *цветное*, *заднее*, *переднее* — некоторые из них могут развить собирательное значение; д) названия с собирательным значением имущества: *казенное*, *государево*, *приданое*, *выморочное*; е) названия абстрактных понятий, определяемых по отношению к ситуации, положению дел: *потерпевшее*, *поличное*, *заветное*, *заведомое*; ж) название собирательных понятий, обозначающих принадлежность / отчуждение: *вражье*, *старое*, *молодое*, *чужое*, *лишнее*, *новое*, *живое*, *житейское*, *умное*; з) названия конкретных предметов, определяемых по общему смыслу высказывания (единичные случаи): *Белое* — *венчальное*, *Черное* — *печальное* — платье; *Шампанское* — *панское*, *красное* — *мещанское* — вино.

Среди форм женского рода представлены лексемы с более конкретным значением, которое достаточно легко «узнается» и извлекается из контекста пословицы благодаря более явной связи между адъективом и исходным опорным существительным, пропущенным в самом выражении: *маслена*, *страстная* — неделя, *духовная*, *гербовая*, *простая*, *челобитная*, *погонная* — бумага (документ), *широкая*, *околесная*, *окольная* — дорога и т. п.

5. Заключение

Исследование может быть обобщено следующими выводами:

1. Субстантивация прилагательных — не механический переход слов из состава одной части речи в другую. В ее основе лежат глубинные семантические процессы, обусловленные когнитивно-познавательной деятельностью человека, — вторичная категоризация, переосмысление значения признака и его абсолютизация, приводящая к возможности его представления как самостоятельной сущности в отрыве от исходного носителя.

2. Семантическими предпосылками субстантивации являются значение исходного прилагательного, однозначность референции между признаком и его носите-

лем, причинно-следственные отношения как смысловая основа стереотипизации признака-свойства.

3. Подавляющее большинство субстантивированных прилагательных, представленных в русских пословицах и поговорках, — это названия человека (формы мужского рода) и абстрактных понятий (формы среднего рода), что объясняется самим характером и целеустановкой паремий: обобщением типовых ситуаций с участием человека и закреплением их в виде компактных формул для сохранения и передачи информации подобного рода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная лингвистика / Н. Н. Болдырев. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. — 252 с.

2. *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — Москва : Русский язык, 2001. — 717 с.

3. *Даль В. И.* Пословицы русского народа / В. И. Даль. — Москва : Художественная литература, 1957. — 992 с.

4. *Дегтярева М. В.* Грамматика переходности: креативный потенциал субстантивов в поэтическом языке Александра Блока / М. В. Дегтярева // Уральский филологический вестник. Серия : Язык. Система. Личность : Лингвистика креатива. — 2018. — № 2. — С. 149—156.

5. *Кустова Г. И.* Семантические механизмы грамматических изменений : теория и словарь / Г. И. Кустова // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2015. — № 1 (78). — С. 144—153.

6. *Лопатин В. В.* Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке / В. В. Лопатин // Русский язык: грамматические исследования. — Москва : Русский язык, 1967. — С. 205—232.

7. *Милютин М. Г.* Субстантивация прилагательных в превосходной степени сравнения в современном русском языке / М. Г. Милютин // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. — 2016. — Т. 26, № 5. — С. 21—28.

8. *Михеева С. Л.* Субстантивация прилагательных как когнитивный процесс / С. Л. Михеева // Когнитивные исследования языка. Выпуск 38: языки, культуры, модальности: интеграция методов когнитивных исследований языка / ред. О. К. Ириханова. — Тамбов : Издательский дом Державинский, 2019а. — С. 414—419.

9. *Михеева С. Л.* Препозитивное прилагательное в русских пословицах как средство выражения каузальных отношений / С. Л. Михеева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2019б. — Т. 18, № 2. — С. 83—93. — DOI : <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.8>.

10. *Мудрая М. В.* Реконструкция системы гендерно маркированных лексем (на материале пословиц) / М. В. Мудрая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 10-3 (76). — С. 142—146.

11. *Мукашова Г. А.* Субстантивация прилагательных и причастий как способ словообразования / Г. А. Мукашова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2016. — Т. 5, № 2 (15). — С. 67—70.

12. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 544 с.

13. *Русская грамматика* [Электронный ресурс] : в 2 томах / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан и др. — Москва: Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 2005. — Том 1. — Режим доступа : <http://rusgram.narod.ru/index1.html>.

SUBSTANTIVE ADJECTIVES IN RUSSIAN PROVERBS

© Svetlana L. Mikheeva (2019), orcid.org/0000-0001-6895-4722, SPIN 7572-3620, PhD in Philology, associate professor, Department of Pedagogy and Methods of Primary Education, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University” (Cheboksary, Russia), mikhsvetla@rambler.ru.

The process of substantivating adjectives in Russian is considered. The relevance of the topic is determined by the subject of research: transient processes in the field of parts of speech reflect and fix at the level of lexical and grammatical semantics the processes of rethinking and reformatting a person's knowledge of the world. The purpose of this study is to establish the conditions for substantivating adjectives. The material was proverbial expressions from the collection of V. I. Dahl “Proverbs of the Russian people”, which include substantiated adjectives. Based on the contextual analysis of the use of these words, the following conditions for substantivating adjectives are determined: the qualitatively-estimated value of the original adjective; the uniqueness of the reference between the attribute and its carrier, established on the basis of the causal component in the semantics of the adjective as a significant component of background knowledge. The vast majority of substantiated adjectives presented in proverbs are the names of a person or an abstract concept. As a result of the study, the semantic groups of substantive adjectives found in proverbs are defined. It is argued that substantiation is a means of reinforcing stereotypical ideas about a person and his qualities. The analysis allows us to conclude about the causative potential of the adjective, which manifests itself in the process of substantiation, which may become the basis for rethinking the functional-semantic status of the name of the adjective in the system of parts of speech.

Key words: noun; substantiation; substantive adjective; adjective; proverb; causal semantic relationships.

REFERENCES

- boldyrev, N. N. (2016). *Kognitivnaya lingvistika*. Moskva; Berlin: Direkt-Media. (In Russ.).
- Bryzgunova, E. A., Gabuchan, K. V. et. al. (2005). *Russkaya grammatika. 2/1*. Moskva: Institut russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova. Available at: <http://rusgram.narod.ru/index1.html>. (In Russ.).
- Dal', V. I. (1957). *Posloviy russkogo naroda*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
- Degtyareva, M. V. (2018). Grammatika perekhodnosti: kreativnyy potentsial substantivov v poeticheskom yazyke Aleksandra Bloka. *Uralskiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*, 2: 149—156. (In Russ.).
- Kustova, G. I. (2015). Semanticheskiye mekhanizmy grammaticheskikh izmeneniy: teoriya i slovar'. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, 1 (78): 144—153. (In Russ.).
- Lopatin, V. V. (1967). Substantivatsiya kak sposob slovoobrazovaniya v sovremennom russkom yazyke. In: *Russkiy yazyk: grammaticheskiye issledovaniya*. Moskva: Russkiy yazyk. 205—232. (In Russ.). (In Russ.).
- Mikheeva, S. L. (2019a). Substantivatsiya prilagatelnykh kak kognitivnyy protsess. In: Iriskhanova, O. K. (ed.). *Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Vypusk 38: yazyki, kultu-*

- ry, modalnosti: integratsiya metodov kognitivnykh issledovaniy yazyka*. Tambov: Izdatelskiy dom Derzhavinskiy. 414—419. (In Russ.).
- Mikheeva, S. L. (2019b.). Prepozitivnoye prilagatelnoye v russkikh posloviatsakh kak sredstvo vyrazheniya kauzalnykh otnosheniy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznaniye*, 18/2: 83—93. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.8>. (In Russ.).
- Milyutina, M. G. (2016). Substantivatsiya prilagatelnykh v prevoskhodnoy stepeni sravneniya v sovremennom russkom yazyke. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, 26/5: 21—28. (In Russ.).
- Mudraya, M. V. (2017). Rekonstruktsiya sistemy genderno markirovannykh leksem (na materiale posloviats). *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 10-3 (76): 142—146. (In Russ.).
- Mukasheva, G. A. (2016). Substantivatsiya prilagatelnykh i prichastiy kak sposob slovoobrazovaniya. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 5/2 (15): 67—70. (In Russ.).
- Peshkovskiy, A. M. (2001). *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (2001). *Russkiy yazyk (grammaticheskoye ucheniye o slove)*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).